

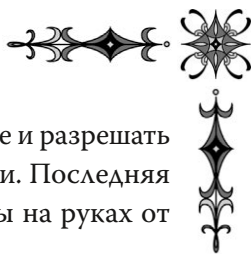

Глава 1

Начало шахматной партии называют дебютом. В этот момент в игре участвуют все тридцать две фигуры, поэтому эту часть партии считают самой сложной. Правильно разыгранный дебют зачастую обеспечивает игроку победу.

**1487 год, 8-й месяц, королевский замок
Тринадцати кланов**

Отец назвал меня Карой. Я думала, потому, что родилась первенцем — девчонка вместо долгожданного сына. Наверное, это был удар для гордого отца, мечтающего продолжить славную династию воинов-королей. Именно поэтому он не брал меня на руки первые три года моей жизни ровно до того времени, пока мама не подарила ему второго ребенка — мальчика. Лишь тогда отец, получивший то, что так сильно жаждал, — сына, названного Светом, — смилоствил-

ся: меня стали замечать, трепать по голове и разрешать играть с борзыми из его охотничьей стаи. Последняя привилегия оказалась лишней — шрамы на руках от собачьих клыков тому подтверждение.

Свет так и остался единственным сыном. После него родились еще три девочки, последняя умерла при рождении и унесла с собой жизнь нашей матери. В год, когда ее не стало, мне минуло двенадцать, и я начала догадываться, что причина нелюбви отца кроется не в том, что я принадлежу к женскому роду. В конце концов, он выбрал мне страшное имя — Кара богов, в то время как сестры отделались более снисходительными — Ирония и Шутка.

Я помню, как впервые услышала перешептывания слуг — едва различимые, как шелест листвы на ветру, и леденящие, словно снег в зимних горах, зачерпнутый голый ладонью.

— Волосы-то светлые, даже брови белесые.

— Вылитая белая лисица!

— Львиного в ней кот заплакал.

— Не наша она, чужая!

— Крови, видали, как боится?

— При ней курицу зарезали, она разревелась.

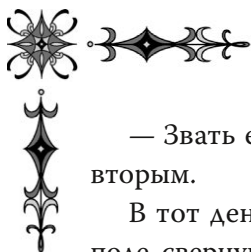
— Не львица, ох, не львица она!

— Позорище!

— Не позорище. Кара.

— Правильно король ей имя дал. Уж он-то знает, чья она, эта байстрючка, но молчит.

— И будет молчать. Стыдно льву попасться в расставленный капкан. Лучше сделать вид, что и капкана никакого не было.

— Звать его Первым. Не признается он, что стал вторым.

В тот день я долго пряталась на самом дальнем поле, свернувшись клубочком среди высоких колосьев ржи. Смотрела на чистое голубое небо и звала маму. Она бы объяснила, почему я не похожа на брата и сестер, почему люди не доверяют мне и смотрят свысока.

Но мама не пришла. Она не смогла спуститься с небосвода, где уже заняла свое место в семейном созвездии Рыжего Льва.

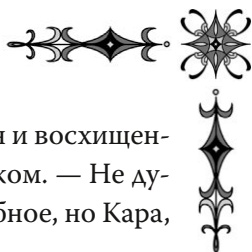
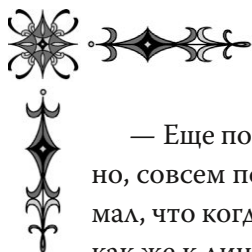
Когда желтые колосья лизнули лучи заходящего солнца и небо окрасилось в багровый цвет заката, я встала с примятой травы и отправилась домой. Сумерки же шли по пятам, наступая на мою тень.

С тех пор я больше не плакала — все равно никто не утешит, не прижмет к теплому плечу, а раз так, то и ни к чему слезы лить. Я твердо решила с честью и достоинством пройти тот путь, что уготовили мне предки-звери, которых мы все чаще зовем богами.

Не знаю, какой именно первородный зверь мне покровительствовал, но в итоге моя жизнь сложилась лучше, чем я себе представляла, лежа в поле, укрытая от посторонних глаз золотом колосьев.

Деликатный стук в дверь прервал череду воспоминаний. Я не успела отложить в сторону вышивку, в замысловатый узор которой всматривалась, пока разум гулял по коридорам памяти, и иголка осталась наполовину воткнутой в полотно. Порог переступил брат, и я поспешила вскочить со стула.

— Мой король. — Я склонила голову.

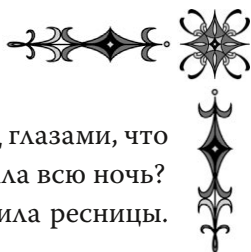
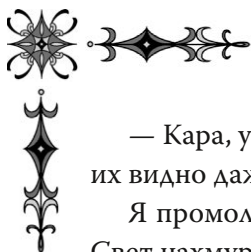
— Еще пока не король, — поправил он и восхищенно, совсем по-мальчишески цокнул языком. — Не думал, что когда-нибудь скажу нечто подобное, но Кара, как же к лицу тебе траур!

Я неловко оправила одной рукой платье (в другой была зажата вышивка). Полностью глухой наряд открывал чужому взору лишь краешек шеи, но все равно казался дерзким. Почему-то алый — цвет крови, цвет траура — всегда смотрелся на мне, белесой девчонке с невзрачным лицом, вызывающе, а по словам Ника, и вовсе соблазнительно.

Я, принимая комплимент, благодарно присела в низком реверансе.

Свет отмахнулся. Он, возможно, в силу молодости или врожденной мудрости снисходительно относился к правилам этикета. Реверансы и поклоны оставляли его равнодушным — тщеславие не было слабостью моего брата. Иногда мне казалось, что слабостей за ним вообще не водилось.

Свет подошел ближе и взглянул мне в глаза. В свои пятнадцать он все еще продолжал тянуться вверх, но уже сейчас сравнялся со мной по росту. Только в отличие от меня, тонкой и слабой, брат, как и положено молодому льву, был хоть и поджар, но не болезненно худ. Широкие плечи, сильные руки, тренированное тело — Свет только входил в пору своего расцвета, но уже сейчас в нем чувствовалась порода. Через несколько лет он станет настоящим воином — опорой и гордостью клана, королем, перед которым будут преклоняться по зову сердца, а не из чувства долга.

— Кара, у тебя такие черные тени под глазами, что их видно даже с порога. Ты снова не спала всю ночь?

Я промолчала, лишь виновато опустила ресницы. Свет нахмурился.

— Отец покинул нас семь дней назад, мы все по нему скучаем. Но кто бы мог подумать, что сильнее всех тосковать будешь ты.

Я обиженно поджала губы. Его слова прозвучали так, будто мне отказали в праве горевать по отцу. Свет, по натуре внимательный и чуткий, несомненно, заметил мою гримасу и поторопился пояснить сказанное:

— Это не значит, что я насмехаюсь над твоим горем. Я лишь замечаю, что оно глубже, чем могло бы быть у той, кому отец уделял меньше всех внимания.

Он ласково коснулся моей щеки, и я, прижавшись на мгновение к его ладони, перехватила руку. К несчастью, я забыла о вышивке, которую по-прежнему держала, и острие иголки впилося брату в палец. Свет отдернул ладонь; на указательном пальце, совсем близко от краешка ногтя, медленно выступала капелька крови.

— Священные предки! Прости! — От волнения я забыла все правила этикета. Теперь передо мной стоял младший брат, а не будущий король.

— Все в порядке. Всего лишь царапина.

Я не слушала его. Машинально оглянувшись по сторонам (пустая осторожность, в комнате мы были одни), обхватила его запястье правой ладонью, чтобы призвать дар, а левой медленно провела над ранкой. Когда я убрала руку, крови не было. Как и следа укола — чистая, целая кожа, ничего больше.

— Спасибо, — поблагодарил брат, — но, честно говоря, это было пустое. Жаль тратить твой дар зря.

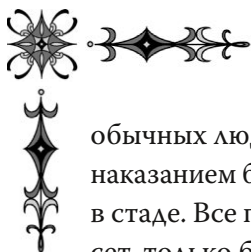
Я не ответила. В голове вертелись слова позабытой старой приметы. Я могла припомнить лишь обрывки фраз, но не суть предостережения. Кровь перед ритуалом — к чему она?

— Ты всегда беспокоилась обо мне больше, чем требовалось. Я буду вечно благодарен тебе за это. В твоём лице я мог бы обрести злопамятного врага, но ты стала моим самым преданным другом.

Я невольно приоткрыла рот — брат всегда был искренен, но таких слов я от него ещё не слышала. Всматриваясь в его светло-карие глаза, любуясь медью рыжих волос, я гордилась им. Он был тем братом, о котором я боялась и мечтать. Свет никогда не обижал меня, всегда защищал от пересудов, и благодаря его поддержке меня перестали дразнить белой лисицей. Даже за глаза — я знаю, специально подслушивала разговоры слуг на кухне после вечернего костра. Я не помню, как именно мы подружились. Время стерло из памяти детали. Кто сделал шаг первым, кто первым обратился по имени — все это осталось в омутах воспоминаний, надёжно укрытое паутиной и присыпанное пылью давности событий.

Важно другое. Свет стал мне опорой, самым близким и дорогим человеком. Единственным человеком, которому я доверила свою страшную тайну. Он согласился хранить это знание ещё совсем ребёнком и до сих пор продолжал выполнять свое обещание.

Клеймо «ведьма» хуже, чем «лисица». Ведьм и колдунов изгоняли из города. Им не было места среди

обычных людей. То, что Свет называл даром, считали наказанием богов. Способом пометить паршивую овцу в стаде. Все понимали, что такая сила добра не принесет, только беду накликает.

Если человек не покидал город добровольно, дорога у него была лишь одна — на плаху.

Я не хотела для себя ни первой, ни второй участи. Я жаждала иного — семьи и детей. И брат согласился с моим решением. Позволил мне самой выбирать свой путь — невысказанная удача для девицы, пусть и благородных кровей.

Свет взял меня под локоть, и мы покинули мои покои. Уже на пороге он шепнул мне на ухо:

— Сегодня ко мне приходил Ник.

Брат замолчал и хитро улыбнулся. Я едва удержалась от того, чтобы не дернуть его за рукав, — нетерпеливо и совсем неподобающе для старшей принцессы.

— О чем же он просил? — как можно спокойнее поинтересовалась я. Мы шествовали по просторному холлу в сторону выхода из дворца. За нами бесшумно следовала охрана. Одним из стражей, коротко улыбнувшимся мне у двери, был Ник.

Его полное имя звучало как Защитник, и оно, признаться, ему очень шло.

— О самом драгоценном сокровище, Кара, — о твоей руке, — чуть посмеиваясь и тепло поглядывая на меня, ответил брат.

Внутри меня что-то ухнуло, а затем взлетело, рассыпавшись снопом разноцветных искр. Чувствуя, как скулы опалил яркий румянец, и стараясь не выдать своего волнения, я тихо спросила:

— Что вы ответили, мой король?

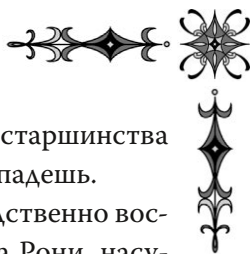
— Дал свое благословение. Раз уж таков твой выбор.

Мне захотелось захлопать в ладоши от восторга. Я едва удержалась от радостного и победного вопля. Ник — моя любовь, человек, на которого я с трепетом смотрела уже два года, — сделал мне предложение. И, что еще важнее, брат одобрил его. Такое решение было бы немыслимо при отце. Тот скорее отправил бы меня в соседний клан в качестве залога своего доброго отношения, чем оставил дома и позволил выйти замуж по любви. Впервые я подумала о смерти отца без тоски и тут же устыдилась. Для той, кто заживляет раны, недостойно благодарить Зверя, что их наносит.

Мы вышли из дворца, преодолев просторную лестницу с массивными ступенями, и оказались во дворе, заполненном гостями и слугами. Раздался рев трубы и грохот барабанов. Толпа застыла в низком поклоне, приветствуя будущего короля. Я тоже сделала реверанс и отошла чуть левее — к сестрам, которым было не по себе даже под присмотром матрон.

— Мы правда поедем верхом? — немного испуганно спросила Ирония. Ей на днях исполнилось одиннадцать, но она до сих пор боялась лошадей — в детстве кобыла сбросила ее с себя и изрядно напугала.

— Да, Рони, такова традиция. Мы отдаем дань памяти предкам, жившим дико и свободно. — Я аккуратно, чтобы не испортить сложную прическу, погладила сестру по голове. Ее рыжие локоны сияли на солнце, окаймленные ободом из полевых цветов. Мои же тонкие, словно выбеленные волосы были заплете-

ны в строгую косу — символ женского старшинства в семье. — Я буду рядом, милая. Ты не упадешь.

— Скорее бы все увидеть! — непосредственно воскликнула вторая моя сестра Шута, пока Рони, накупившись, настраивала себя на сложное испытание.

Шута была младше Рони на два года и обожала животных, но еще больше ее привлекали скачки и соревнования на скорость.

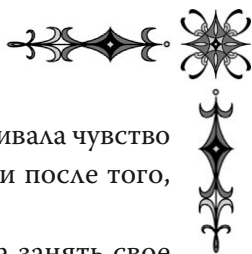
— А вот ты, юная леди, поедешь со мной. — Я погрозила ей пальцем. — Я помню, чем закончилась твоя последняя прогулка. Больше никаких сломанных рук!

— Она же быстро зажила, — буркнула себе под нос Шута, и я едва удержалась от желания просветить сестру, почему ее рука так быстро и безболезненно срослась.

Мне подвели коня — самого смиренного и послушного на конюшне. К счастью, женщинам позволяли седлать своих скакунов, иначе бы к месту проведения ритуала я не добралась — боялась лошадей еще больше, чем Рони. Ехать на голой спине резвого коня без всякого седла, как это делали сегодня мужчины, отдавая дань традициям, я бы точно не смогла.

Я запрыгнула в мужское седло. Юбка задралась, обнажая ноги, но собравшаяся во дворе толпа не получила свою долю зрелищ — до самых колен на меня были натянуты тонкие сапоги в цвет платья: приличия я чтитла всегда, даже тогда, когда они казались мне верхом глупости. Один из слуг поднял Шуту на руки, и я перехватила ее, усаживая перед собой. Она тут же радостно запустила пальцы в рыжую гриву коня.

— Привет, Шустрик!

Я вздохнула. Радость Шуты лишь усиливала чувство неясной тревоги, что зародилось внутри после того, как я случайно уколола брата.

Процессия тронулась, и я поспешила занять свое место — по левую руку от Света, на полкорпуса позади него. За мной, недовольно сопя, — так, что слышали, кажется, все окружающие, — ехала Рони. Я сделала себе мысленную заметку поговорить с ней о манерах. То, что простительно Шуте, уже не может сходить с рук Рони в силу ее возраста.

Я как будто случайно оглянулась. Сзади меня ехал Ник. Его темно-каштановые волосы были забраны в высокий хвост — прическу воина. Одежда также отличалась лаконичностью и удобством. Я поймала себя на мысли, что мне нравятся его простые узкие штаны и высокие кожаные сапоги, и покраснела.

— Кара, а Света не убьют? — понизив голос, спросила Шута.

Я скосила на нее глаза. Выглядела сестра встревоженно. Значит, отвечать придется серьезно.

— Нет, милая. Ритуал перед коронацией — всего лишь традиция. Уже давно никто не пользуется правом вызвать будущего короля на поединок.

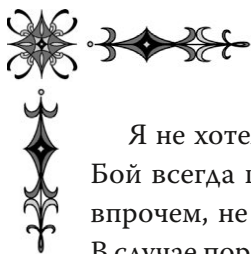
— А вызвать на бой может кто угодно?

Я вздохнула. Разговор начинал меня раздражать, почему-то перед глазами то и дело всплывала картина выступившей у брата капли крови.

— Нет, милая. Только вождь клана или его старший сын.

— И почему никто больше не дерется?

— Нет необходимости, милая.

Я не хотела объяснять маленькой сестре нюансы. Бой всегда шел до смерти одного из противников, впрочем, не это пугало потенциальных соперников. В случае поражения проигравший навлекал смерть на своих близких. Вслед за ним самим от рук нового короля погибала вся его семья, включая стариков и детей. Таково было условие предков — за смелость и тщеславие следовало платить кровью своего дома. Конечно же, эта история была не для ушей девятилетней девочки.

Место проведения ритуала всегда оставалось неизменным — бурная горная река, бегущая по дну узкого горного ущелья. По обе стороны от нее, словно под природным навесом, нас уже ждали кланы — все двенадцать.

Свет спешил, и снова запели трубы. К звукам инструментов присоединился слаженный хор человеческих голосов. С каждой минутой он все отчетливее складывался в единый приветственный крик-рык, разбавленный нарастающим шумом барабанов.

Мне помогли опуститься на землю, и я вместе с сестрами укрылась в тени скал — летнее солнце палило нещадно. Река не была ничем огорожена — границами места для боя служили ее берега. Я оценила силу течения и невольно сглотнула.

«Пустое. Это лишь традиция».

Свет поднял руку, и музыка смолкла, как и человеческий гомон. Я снова залюбовалась братом — высокий, ладный, в просторной алой рубахе и штанах, подчеркивающих его фигуру, он был по-настоящему красив, как может быть красива лишь молодость. Свет

улыбнулся и, чуть склонив голову, подошел к жрецу, стоявшему по колени в воде.

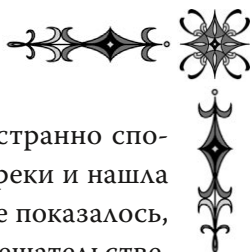
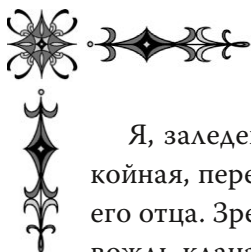
— Сегодня мы проведем коронацию Света из клана Рыжего Льва, — выждав паузу, раскатисто начал жрец. Его голос, лишенный старческого дребезжания, разнесся по ущелью. — Если есть кто-то, имеющий смелость бросить ему вызов, пусть ступит в реку или навек склонит голову.

Я затаила дыхание. В груди часто-часто забилось сердце. Я смотрела на спокойно улыбающегося Света, и мне было тревожно. Теряясь в смутном предчувствии беды, я скользнула глазами дальше — за реку, на ту сторону ущелья — и вздрогнула, когда встретилась взглядом с высоким молодым мужчиной в черном. С такого расстояния я не могла различить его лица — только знамя клана с изображением Черного Медведя, но почему-то была уверена, что незнакомец смотрит именно на меня и выражение его хищное, оценивающее.

Взволнованная этим взглядом, я не сразу заметила того, что случилось. Я вскинула голову и посмотрела на реку слишком поздно — в воду уже медленно ступил мужчина. Я увидела его суровое, с печатью упрямства лицо, мощные плечи, тяжелое тело с канатами вздувшихся мышц на руках, и мне стало дурно — я узнала его. Никогда не падала в обмороки, но при виде соперника брата мне захотелось съежиться и совершенно по-детски уткнуться лицом в колени.

— Кто ты? — недрогнувшим голосом спросил жрец.

— Меня зовут Воин. Я старший сын вождя клана Черного Медведя.

Я, заледеневшая изнутри и потому странно спокойная, перевела взгляд на ту сторону реки и нашла его отца. Зрение могло подвести, но мне показалось, вождь клана пребывал в таком же замешательстве, как и все остальные. Рядом с ним стояла молодая женщина, в ужасе обхватившая свой огромный беременный живот, — невестка. Я пожалела, что так редко выезжала из дворца и так мало участвовала в приемах — имя жены Воина выветрилось из головы напрочь.

— Что ж, Воин, ты бросаешь вызов Свету — сыну короля?

— Бросаю.

Повисла пауза, а затем вновь раздался голос жреца:

— По правилам оружие выбирать тебе. Твое слово?

— Охотничьи ножи.

Мне захотелось закричать. Брат был неплохим бойцом, но не мог тягаться с Воином в силу возраста. Тот был старше. Преимущество в опыте и силе оказалось не на стороне Света. А тут еще ножи! С ними брат не дружил. Вот пики — те были ему по духу.

Я в страхе закрыла глаза. Мою правую руку схватила Рони, левую — Шута, и я заставила себя отбросить панику и действовать. Медленно открыв глаза, посмотрела на брата и уже не отводила от него взгляда.

Без физического контакта у меня не сразу получилось почувствовать Света. Я слишком редко прибегала к своему дару и почти всегда использовала для этого прикосновения. Легкие, невесомые, они открывали мне внутренний мир человека. Не тот, где можно рассмотреть душу, нет. В том, в который проваливалась

я, видишь лишь человеческие потроха. В прямом смысле этого слова.

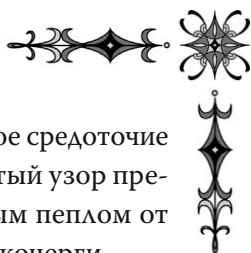
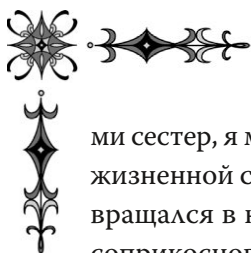
По спине прокатился холодок, и я вздрогнула. Опасность я всегда ощущала именно так — ледяным покалыванием, отзывающимся дрожью в кончиках пальцев.

«Кто-то сегодня умрет».

Эта мысль заставила забыть обо всем, кроме того, что действительно было важно. Удар сердца, еще удар. Я сосредоточилась на собственном сердцебиении, чтобы затем с одним из вдохов слиться с окружающим меня шумом. Барабаны, плеск воды, крик пролетающей мимо птицы — я была везде и одновременно нигде. Еще удар сердца, резкий вздох-всхлип, сорвавшийся с губ, и я нашла то, что искала. Река жизни вытолкнула меня на нужный берег. Мое дыхание замедлилось, а затем слилось с дыханием брата, которое становилось все более прерывистым. Я смотрела на Воина и Света, кружащих, как коршуны, друг подле друга, но видела другое — кровь. Бескрайнее море горячей алой крови, бегущей по каналам, которые так сильно напоминали стволы деревьев с их раскидистыми ветвями. Рисунок, что они создавали, подрагивал, пульсировал жаром. Он притягивал меня, как свет маяка заблудшие в ночи корабли.

Я уже не видела того, что происходило во внешнем мире. Меня полностью поглотил внутренний. Я была с сестрами, держала их за руки, но вместе с тем находилась в совершенно ином месте.

Раз, два. Удар сердца, еще удар. Прежде я не заглядывала так глубоко. Переплетя свои пальцы с пальца-

ми сестер, я мысленно устремилась в самое средоточие жизненной силы Света. Туда, где ветвистый узор превращался в нити, рассыпающиеся черным пеплом от соприкосновения с жаром раскаленной кочерги.

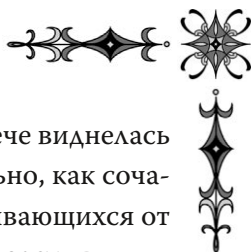
Не дать нитям распасться, узору с полотном — обуглиться и разойтись. Я завязывала узелки так быстро, как могла. Это было тяжело — рана, полученная братом, мало напоминала те пустяковые проплешины на рисунке жизни, что я с иголкой в руках чинила прежде. Я не думала о том, насколько аккуратными и крепкими получаются стежки. Не до того. Продержаться, дать брату силы на поединок. А после его победы я все исправлю, обещаю.

Ниточка к ниточке, узелок за узелком. Ни разу прежде мне не приходилось делать ничего подобного, но, когда раздался восторженный вопль зрителей, я поняла: получилось. Брат, несмотря на ранение, продолжил сражаться.

Внезапно барабаны стихли. Меня обступила гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием сестер. Раздался громкий всплеск воды, когда кто-то из соперников ушел под воду.

Я не сразу поняла, что им оказался Свет.

Нити жизни распадалась в моих руках. Они истончались, оставляя вместо себя лишь пепел. Слишком много черных пятен на рисунке жизни. Слишком много... Я металась, пытаюсь залатать узор, но не успевала. Я была слишком слаба для такой работы. Мне не хватало дара или, возможно, опыта, чтобы поспеть за всем. Я ненадолго вынырнула в настоящий мир, чтобы взглянуть на Света обычным зрением. Брат

медленно поднялся из-под воды. На плече виднелась глубокая рана, но она пугала не так сильно, как сочащийся кровью бок. Свет, стоя на покачивающихся от слабости ногах, обвел взглядом берег с застывшими на нем зрителями. Воин позволил ему это сделать, а затем...

Толпа вскрикнула, я покачнулась. Я уже знала то, что для других станет открытием: рана, нанесенная Воином, оказалась смертельной. Для моего брата все было кончено, но я не хотела в это верить.

Я жаждала все исправить. Собрать пепел и им начертить новый узор. Ведомая страхом, злостью и отчаянием, я сделала то, чего делать было нельзя: сплела нити брата с собственной жизнью.

— Кара, у тебя кровь течет из носа, — испуганно прошептала Рони.

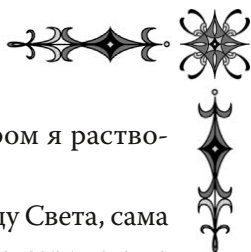
Я вытерла нос пальцами, чувствуя, как на них осталось что-то теплое и липкое. Перед глазами все плыло, я видела лишь расплывающийся узор собственных нитей.

С каждым мгновением он становился тоньше, бледнее. Сила, что раньше питала меня, исчезала — будто река поменяла русло и воды хлынули в другой источник.

Я стиснула зубы, сдерживая крик. На грудь словно опрокинули котел раскаленного свинца. Дышать стало больно, почти невозможно.

— Кара, у тебя под ногтями тоже кровь...

Я снова ощутила на себе чужой взгляд — ищущий, встревоженный. Он принадлежал не сестре и букваль-

но вырвал меня из океана боли, в котором я растворялась.

Я отчетливо поняла, что, если не отпущу Света, сама шагну за ним. Только благодаря мне его сердце еще бьется, но каждый жадный вдох брата лишь оттягивает неизбежное. И цена этой отсрочки — моя жизнь.

В этот момент я согнулась, не в силах сделать вдох. Удар в живот был настолько болезненным, будто его нанесли мне, а не брату. Это оказалось слишком. Нашу тонкую связь будто с размаху разрубили топором, и я потеряла брата. Во всех смыслах. Я больше не видела Света изнутри, но и снаружи мой взгляд его не отыскал — брат с головой ушел под воду.

Кажется, я закричала. Не знаю зачем. Я уже понимала, что он ничего не чувствует, последний удар сердца раздался, когда порвались связывающие нас нити.

Как в вязком кошмаре, я наблюдала за соперником. Тот нырнул, а затем встал над водой с телом брата. Если у толпы еще оставались сомнения, то я знала наверняка: Свет уже не очнется.

Минуты показались часами. Жрец склонился над телом Света, опустил голову ему на грудь в надежде поймать прерывистое дыхание, а затем тяжело поднялся. В наступившей тишине он чуть надломленно, но достаточно громко, чтобы услышали все, провозгласил:

— Поединок окончен. Свет, сын короля, погиб. Воин, одолевший его в честном бою, может готовиться к коронации. Если через три дня никто не бросит ему вызов, он станет королем Тринадцати кланов.